

Мировой финансовый кризис: арабская версия

Филоник А. О.

В статье рассматривается довольно распространенный в арабской среде подход к оценке проблем финансового кризиса. Он выводится некоторыми экономическими аналитиками из нарушения этических норм, приведших к деструктивным последствиям, которые стали результатом отрыва финансовых операций от реального производства.

Мировой кризис в той или иной форме затронул все государства мира. В этом отношении не стали исключением и арабские страны, которые понесли финансовые и другие потери сообразно участию каждой в международном разделении труда и доле в мировых финансовых рынках, деятельность которых и породила колоссальные сбои в функционировании глобального воспроизводственного механизма.

Когда кризис разразился, арабские страны не сразу отреагировали на него и поспешили отгородиться утверждениями, что их экономическому положению ничто не угрожает. Время показало, что это было явной переоценкой собственных сил и возможностей, слабость которых была осознана спустя несколько месяцев после того, как кризис распространился по всему миру. Первоначально «польза» от него была лишь в том, что он был использован правящими кругами некоторых арабских стран как повод, чтобы списать на него просчеты экономической и социальной политики. Правительства арабского мира в этот момент действовали, «прикрываясь искусственным блеском, тогда как население... испытывало страх перед будущим мировой экономики»¹.

Между тем наиболее дальновидные и критически настроенные обозреватели уже тогда высказывали опасения по поводу экспортирующих нефть государств Арабского Востока, поскольку понимали, что их благополучие основывается на сырьевом ресурсе, а не на «науке и труде в диверсифицированном производстве, прирастающем усилиями народа»². И, дейс-

твительно, по данным Арабской организации труда, страны ССАГПЗ на начало 2010 г. потеряли 90 тыс. рабочих мест. Это стало серьезной проблемой, учитывая небольшую численность экономически активного населения и социальные последствия такой потери³. Крупные материальные утраты, которые понес арабский мир, заставили его политических деятелей и финансовых магнатов провести экономический анализ ситуации. В ней было выделено то общее, что стало универсальной причиной для удара по экономикам региона, и то особенное, что сделало проявление кризисных последствий болезненными для одних и терпимыми для других стран.

Из анализа следовало, что воздействие кризиса было неоднозначным даже для групп стран, имевших сходные характеристики экономического роста. Внутри них, казалось бы, достаточно однородных по экономической структуре и капиталовооруженности, последствия возникших угроз были неоднозначными: от резкого провала по отдельным отраслям и векторам развития до энергичного всплеска показателей на генеральном направлении. Это касалось в основном стран-нефтеэкспортеров.

Опыт арабских стран среднего уровня развития, не говоря уже о странах наименее развитых, не вполне может быть признан репрезентативным. Их национальная статистика еще не подвела итоги ситуации (к тому же еще не вполне завершенной), а международный мониторинг в первую очередь направлен на государства благополучные (в данном случае на

Филоник Александр Оскарович — кандидат экономических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН; e-mail: www.vestnik@mgimo.ru

страны-нефтеэкспортеры), от которых зависит состояние экономик промышленно развитой части мира. Это обстоятельство позволяет на их примере лучше проследить, каким образом они «взаимодействуют» с кризисом и в какой мере им удается адаптироваться к сложной ситуации.

По тому, как реагирует арабское экспертное сообщество на положение дел в арабском мире и вокруг него с экономической точки зрения, сразу можно отметить один серьезный предварительный вывод, который сделан членами этого сообщества. Он в основном сводится к тому, что арабские государства стали жертвой тех негативных явлений, которые возникли как следствие мирового господства крупного корпоративного капитала и идеологии свободного рынка, изначально сопрягающихся с такими понятиями как несправедливое распределение доходов, монополизм, коррупция. В эпоху глобализации эти явления получили гигантский импульс к развитию, распространились на огромные территории и проникли на экономическое пространство подавляющего большинства стран, в том числе и развивающихся. Здесь они приняли наиболее уродливые формы, поскольку наложились на еще не окрепшие в достаточной мере производственные связи, соответствующие индустриальной фазе производства, и образовали сложнейший конгломерат отношений, свойственных переходным формам развития.

Эти последние управляются на основе действий, подходов и приоритетов, выстраиваемых местными элитами, политика которых часто не стыкуется с национальными интересами и игнорирует самые насущные потребности населения отставшей части мира. Более того, национальные экономики и фондовые рынки (там, где они есть) оказались под влиянием мировых процессов втянутыми в международные спекуляций, финансисты увлеклись созданием схем приращения капиталов, минуя стадию производства, монополизацией прибыльных отраслей бизнеса и стали забывать о социальных аспектах и нравственной стороне развития.

В арабской политологической мысли утвердилась убежденность в том, что западная экономическая культура в значительной мере проникла в повседневную хозяйственную практику арабского мира. Причем процесс этот осуществлялся двумя путями. В одних случаях он насаждался по воле правящих режимов, находившихся под впечатлением от демонстрационного эффекта западной модели развития, игнорируя национальные особенности хозяйственной жизни. В других подобное происходило под давлением международных финансовых организаций или крупных стран кредиторов.

Признавая допустимость такого варианта развития взаимодействия западной цивилизации с арабомусульманским миром, следует все же отметить, что арабская экономическая действительность также была обременена собственным негативным опытом, накопленным в связи со злоупотреблениями представителей арабских предпринимательских кругов. Достаточно

для этого обратиться к опыту Сирии или некоторых других стран за истекшее десятилетие, отмеченному, например:

- созданием крупнейших финансовых пирамид, от которых пострадало множество рядовых вкладчиков;
- регулярными спекуляциями с товарными запасами и группами потребительских товаров;
- хронической недобросовестностью подрядчиков и поставщиков, осевших в разных звеньях системы государственного распределения и т.п.

Понятно, что эти действия хотя и снижали эффективность производства, но не провоцировали кризисов вселенского масштаба. Дело в том, что арабский капитал, как и любой другой, предрасположен к нарушению этических норм, если этому потворствует политика и условия его функционирования. Разница лишь в способности перенимать или заимствовать схемы и модели, обеспечивающие приоритет собственных интересов над всеми другими и в масштабах последствий их применения.

Тем не менее, выводя западную экономическую практику на передний план, арабские наблюдатели отдают ей первенство в разрушающем влиянии ее нравственного начала на арабский мир. Процесс их общения сопровождался разрастанием коррупции, которая пронизывала связи между госсектором и госаппаратом на Арабском Востоке, с одной стороны, и между частным сектором и иностранным капиталом, с другой. В обоих случаях получалось так, что государственная буржуазия и иностранный капитал смыкались в своем воздействии на национальную экономику и целенаправленно использовали ее в своих интересах, поскольку и местный, и привнесенный капитал пользовались свободой в том, что касается присвоения добавленной стоимости в ущерб массам товаропроизводителей⁴.

В связи с этим местные эксперты пытаются выявить, в какой степени в сложившихся обстоятельствах арабские представления об экономической этике, особенности хозяйственного мышления и подходы к решению экономических проблем влияют на способность управленческой и деловой элиты направлять процессы экономического роста. Насколько она способна ориентироваться в современной рыночной конъюнктуре, противостоять кризисам разрой этиологии, вообще обеспечивать движение по пути прогресса в рамках общемировой тенденции к замене традиционной материально-технической базы новейшими производительными силами, основанными на инновационно-информационных технологиях. В немалой степени их занимает и вопрос о том, насколько велики возможности арабской среды генерировать механизмы, защищающие моральные устои бизнеса от соблазнов и вредных для общества последствий его деятельности.

Очевидно, что найти ответы на все вопросы сразу едва ли удастся, но сама постановка их показывает степень заинтересованности арабских государств в понимании механизмов кризиса и в определении

средств недопущения его повторений в таких масштабах в будущем. До начала кризиса эти вопросы не занимали большого места в общественной дискуссии по проблемам развития. Арабские страны привычно двигались в русле теоретических представлений, которые разрабатывались экспертами ООН и других международных специализированных организаций. Правящие и экономические круги принимали к сведению результаты теоретических изысканий и в своих практических действиях на хозяйственном поприще ориентировались преимущественно на собственные обстоятельства, но и не отказывались от осторожной апробации тех кабинетных новшеств, которые им предлагались и которые рассматривались как потенциально полезные на текущем этапе или в будущем.

После начала кризиса, обретшего все признаки универсального, арабская экспертиза уже сама озаботилась целым рядом проблем. Ее аналитики ныне пытаются собственными силами разобраться в происходящем и выявить слабые и сильные стороны арабской экономики и в ее соответствии принципам устойчивого развития. Это повлекло за собой предварительный анализ условий, в которых развивается арабское хозяйство и стремление выяснить, насколько эти условия соотносятся с тем, что происходит на мировом экономическом пространстве.

Пока арабская мысль сосредоточена на прояснении того, насколько арабские нравственные критерии в экономике сохраняют самостоятельность и какова их жизнеспособность в условиях нарастающей глобализации, стремящейся к универсализации экономической практики и сглаживанию национальных особенностей. Арабский мир в последней трети прошлого века инициировал механизмы исламской хозяйственной деятельности как альтернативной западным принципам ведения экономики и добился заметного успеха на этом поприще. В этом качестве он претендует на роль мирового значения проводника идей «исламской экономики», по сути же, является апологетом банковско-финансовых инструментов, продуктов и менеджмента, имеющих исламскую природу, определяемую моральными требованиями шариата.

Другими словами, нравственные соображения ставятся во главу угла «исламской экономики» и призваны служить ее отличительным знаком, создают ей узнаваемый образ, что априори, по мнению улемов, факихов и соответствующей группы практиков, должно обеспечивать ей превосходство над другими экономическими системами. Именно это должно избавлять ее от кризисов, причиной которых становятся нарушения религиозной этики и человеческой нравственности. Однако при этом очевидно, что едва ли существуют конкретно исламские рецепты преодоления кризиса, и арабская экономика скорее всего будет выходить из него, опираясь, на международно признанные и доказавшие эффективность приемы и рекомендации. Но арабские аналитики (особенно религиозной ориентации) увидели в кризисе дополнительную возможность

продвинуть в жизнь исламские ценности на очень значимом участке международной коммуникации.

Естественно, такой подход является определенно односторонним, несущим в себе большую толику исламского детерминизма, что уже ограничивает круг применения его постулатов. Тем не менее в нем содержатся элементы здравого смысла, и с этой точки зрения отдельные положения арабского видения проблемы могут иметь позитивное значение в качестве хотя бы эвентуальных рекомендаций. В частности, речь может идти о справедливости, которая «выступает не просто как адекватная экономическая категория, но как приоритетная цель экономической деятельности»⁵. Вообще тема справедливости проходит осевой мыслью через всю исламскую экономическую этику. В исламских представлениях справедливость — это равенство между людьми в осуществлении своих гражданских прав и обязанностей в самом широком их спектре, в том числе и в экономических отношениях.

Для обеспечения этих прав существует специальный механизм в виде закята, который служит интересам всего общества и имеет своим назначением хотя бы частичное перераспределение материального богатства в целях поддержания бедствующих членов общины и сохранения социального спокойствия. Естественно, эффективность этого механизма, видимо, не следует переоценивать в силу уже того только, что контроль за его работой не повсеместно относится к функции государства, а система взимания этой категории налога не носит централизованного характера и потому не является всеохватной. Тем не менее в ряде капиталоизбыточных арабских государств (главным образом района Персидского залива) через этот канал аккумулируются серьезные активы. Они мобилизуются для строительства производственных объектов в мусульманском мире, используются для благотворительных целей, борьбы с бедностью в мусульманской среде. При этом власть несет ответственность за наполненность проистекающей из этого принципа политики реальным содержанием.

По всей видимости эта функция в ординарных обстоятельствах не составляет особой проблемы. В банках стран Персидского залива аккумулированы вклады в размере 400 трлн долл., а доля закята, исчисленная на основе этой суммы, составляет 100 млрд долл.⁶ Регулярность же его начисления гарантируется тем, что закят является третьей по важности вероисповедной обязанностью мусульманина. Последним по времени примером таких действий может служить финансирование кувейтским Бейтом закята строительства крупного животноводческого комплекса в Ливане стоимостью 1,2 млн долл. со всей инфраструктурой в виде кондиционированного хлева, складов, холодильника и других сооружений⁷.

Экономические аналитики мусульманской направленности в своих рассуждениях о кризисе рыночной экономики сходятся в том, что одной из его причин

стало именно отсутствие нравственности. В свете этого получила новый импульс идея, что настало время «для самого широкого распространения информации о достоинствах исламской экономики и ее постулатов, запрещающих взимание процента как такового, а тем более назначение высоких процентов, что, собственно, и спровоцировало небывалое потрясение мировой экономики. Наибольшее же внимание должно быть уделено именно пропаганде закята, который противостоит алчности и эгоизму и может стать средством борьбы с таким многофакторным явлением, как мировой кризис, удушающий развивающиеся страны, в том числе и мусульманские»⁸.

Другими словами, представители арабской экономической мысли увидели в кризисе благоприятную возможность расширить зону действия исламской экономики и вывести ее из неглубокой ниши на оперативный простор в качестве мощного средства преодоления кризиса и утверждения нравственности в ее новой, экономической ипостаси. Тем более что этическая рационалистичность принципов исламских финансов, по мнению ее адептов, как нельзя лучше иллюстрирует своевременность применения исламских рецептов исправления и недопущения финансовых катастроф в будущем. А распространение такой практики на всю зону мирового банкинга, особенно американского, инициировавшего кризис, может послужить не только социальным целям, но и снизить напряженность в отношениях между индустриальными и развивающимися странами, для которых внедрение исламских принципов в сферу межстрановых экономических связей может стать последним средством облегчения зависимого положения.

Получивший широкую известность на Ближнем Востоке М. Каркути, автор книги «Кризисный коктейль», полагает, что первой предпосылкой кризиса стало именно отсутствие этических норм, нанесшее сильнейший удар по мировой экономической системе эпохи всеобщего рынка. Мощная встряска была обеспечена нарастанием разных явлений — от безмерных амбиций и чрезмерной эксплуатации до масштабных спекуляций и безудержного монополизма кругов, обладающих колоссальными активами и авуарами по всему миру. В свете сказанного становится ясно, что проблеме монополизации рынков и сфер хозяйственной деятельности в арабской экономической мысли придается большое значение. Ранее связанные с этим выступления трактовались как отвлеченные экзерсисы, не имеющие практического применения. Однако в настоящее время ситуация изменилась и арабский взгляд на монополизм получил новое измерение.

Арабские экономисты опасаются внедрения и расползания этого явления в ближневосточный регион. Здесь монополизация может стать важным фактором «установления контроля над властью, ресурсами, непосредственного сращивания капитализма с правящими кругами, в результате чего разрушаются «золотые правила» самого капитализма, например

принцип своевременного и свободного доступа к информации о конъюнктуре рынка для каждого его участника». Крупные представители бизнеса, приближенные к власти, всегда лучше осведомлены о динамике рынка. Они «имеют возможность воздействовать на ситуацию на рынке и изменять ее в свою пользу со всеми вытекающими отсюда последствиями не только для экономики как таковой, но и для собственно капиталистической буржуазии как класса и всей политической системы»⁹. Такая практика противоречит традиционным арабо-мусульманским представлениям о справедливости и осуждается в обществе как недопустимая и разлагающая нравственные основы общины. Не случайно поэтому монополизм как явление, связанное с разделом рынка, концентрацией ресурсов и установлением единых цен, неприемлем для арабского массового сознания и не имеет распространения на Арабском Востоке в своем чистом виде.

Но это отнюдь не исключает его присутствия в форме действий отдельных групп предпринимателей, которые, используя неформальные связи с властью, добиваются господствующего положения в отдельных отраслях производства или нишах рынка. Правда, по указанным причинам они не афишируют подобную свою деятельность. В любом случае, в арабской аналитике термин «монополия» используется только в применении к западной экономической практике. В описании арабской действительности он не использовался. Пожалуй, единственный эпизод монополизма был письменно зафиксирован в Сирии середины прошлого века, когда в ней образовалось, но быстро расстроилось, производственное ткацко-прядельное объединение Хумасийя. Оно было воспринято как монополия в условиях минимального уровня развития промышленности. На этом фоне любое более или менее крупное предприятие могло выглядеть как производственно-финансовый монстр.

Арабские наблюдатели, анализируя тип поведения фигурантов рынка на Ближнем Востоке, часто обращают внимание на «стадность» чувств, которые в арабском мире усиливаются коллективизмом уммы, выработанной за века привычкой к солидарной ответственности перед властителем, вообще всем строем восточного государства, угнетавшего и обездоливавшего своих подданных. Многовековая приниженность населения и утрата представлений о собственной значимости множеством его представителей привела к такому исторически обусловленному и распространенному явлению, как преклонение перед иностранным опытом и знаниями, особенно западными.

В целом ряде случаев иностранная помощь воспринимается почти как панацея от экономических и социальных бедствий и становится своего рода разменной картой в политических раскладах на Арабском Востоке. Реально иностранная помощь является необходимым фактором развития и вызволения целого ряда стран из состояния отсталости. Но абсолютизация ее

рассматривается арабскими критиками как неприемлемое явление, противоречащее национальным интересам. Такая точка зрения, конечно, не может остановить или сдержать процессы взаимодействия между развитыми и развивающимися государствами так, как они складываются, но она существенно влияет на моральный климат, который создается вокруг практики отношений с международным капиталом.

Не случайно в связи с этим прямо указывается, что «в некоторых арабских государствах сформировался особый тип самооценки. Он находит свое выражение в культуре регионального превосходства и скепсиса по поводу деятельности западного капитала, который пускается в пустые рассуждения о предпочтительности привлечения именно его средств по сравнению с такими же, только мобилизуемыми в расположенных в непосредственной географической близости других странах. От поступивших по его каналам ресурсов нет ожидаемой пользы, так как западные инвесторы в своих собственных интересах используют инфраструктуру, привозную рабочую силу, управленческие и производственные технологии, давая возможность обогатиться только небольшой группе местных владельцев недвижимости за счет передачи ее в аренду иностранным компаниям по фантастическим расценкам. Это утверждает национального предпринимателя в качестве спекулянта, а не товаропроизводителя»¹⁰.

Такая оценка, очевидно, не свободна от некоторых натяжек, но, в принципе, отражает достаточно распространенную в арабской среде идею необходимости минимизировать зависимость от Запада и предпочтительности помощи из родственных стран. Здесь понимают, что решать самую большую проблему арабского мира, заключающуюся в том, что спекулятивная составляющая экономики превышает ее производительную часть, все-таки придется собственными силами, и «помощь»

со стороны иностранных инвесторов едва ли будет всей массой использована для достижения этой цели. Особенно в посткризисное время, тем более что предшествующие десятилетия, конечно, привели к изменению физических характеристик капитала, но не изменили пропорционально принципы его применения.

Осенний кризис 2008 г. не может не затронуть существенно арабский мир как таковой. Самая предварительная оценка его потерь, сделанная без проработки обобщенных данных о них, к тому же по прошествии короткого времени с момента начала кризиса (по состоянию на середину 2009 г.), определяла их в размере 2 трлн. долл. Скорее всего, эта цифра не может претендовать на абсолютную корректность. Тем не менее она впечатляет, поскольку превышает совокупный ВВП арабского мира за два года по данным за 2007 г.¹¹

Так или иначе, но в любом случае арабский мир получил ощутимый удар. Даже признанный в финансовом бизнесе игрок — Кувейт — допустил потерю своими инвестиционными институтами почти полутора миллиардов долларов только за первую половину 2008 г.¹² С осени 2008 г. и Кувейт, другие арабские страны-экспортеры нефти столкнулись с серьезным падением доходов от углеводородов. Они сократились с 678 млрд долл. в 2008 г. до 268 млрд. в 2009 г. На такую же примерно величину могут «обвалиться» доходы каждого конкретного производителя нефти в арабском мире, что может нарушить поступательность и масштабы их социально-экономического развития.

Ниже приводятся сделанные на основе предварительного анализа прогнозные данные Мирового банка о темпах роста ВВП по арабскому региону и ряду отдельных государств на период 2008–2010 гг.

Страна / Год 2008 2009 2010			
БВСА	6,1	2,2	4
ССАГПЗ	6,3	1,1	4,2
Бахрейн	6,1	2,4	4
Кувейт	5,2	-1,2	2,4
Оман	6,2	3	3,8
Катар	16,4	18,2	16,2
Саудовская Аравия	4,6	-0,9	3
ОАЭ	7,4	0,3	3,3
Алжир	3	2,2	3,5
Ирак	9,8	6,9	6,7
Ливия	6,3	2,9	4,8
Сирия	5,2	3	3,5
Йемен	4	7,7	5

Иордания	5,5	2,5	3,5
Ливан	6,5	2,5	4,5
Египет	7,2	3,8	4,2
Марокко	5,6	5	3
Тунис	4,5	3	4

Источник: Economic Development and Prospects 2009. The World Bank, 3 October 2009.

Из приведенных данных следует, что 2009 г. оказывается наименее неблагоприятным для нефтеэкспортеров, среди которых самые большие потери могут понести Кувейт и Саудовская Аравия. С отрицательными величинами экономического роста оказались и ОАЭ. Чуть меньше могут пострадать Алжир, Ливия и Ирак. По показателям падения им примерно соответствуют капиталододефицитные страны. Наиболее благополучная ситуация предполагается для Катара, который и на 2010 г. остается вне конкуренции, и в этот же ряд становится Йемен, хотя его показатели далеко отстоят от лидера.

Как можно судить по цифрам, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. ситуация в той или иной мере выправляется практически для всех стран за исключением Марокко, Йемена, Ирака, а также Катара, хотя темпы роста последнего и в этом случае далеко обгоняли показатели соседей по региону. Относительно же исходного года все страны остаются в чистом проигрыше по темпам роста, кроме Алжира с превышением на 0,5%. Естественно, приведенные цифры — прогнозные и не обязательно должны совпасть с реальным положением дел, состояние которых проявится, когда будут получены данные о результатах кризисной динамики.

В принципе, кризисные изменения накапливались постепенно и находили разные проявления. Еще накануне событий, уже к середине 2008 г., ряд стран региона пережил повышение цен на продовольствие, и процесс этот едва ли будет быстро купирован. Даже в Кувейте возник вопрос о достаточности продовольственного обеспечения. Он был связан с ситуацией в местной пищевой промышленности, которая состоит из шести относительно небольших компаний и испытывает большую потребность в кредитах, достигающих 34% стоимости их активов¹³. Любой сбой в этом сегменте рынка немедленно вызовет рост цен и в этой стране, что добавит остроты ситуации на региональном уровне. Тем более, что потребительские цены, например, в Египте, Иордании и соседних странах выросли на 25%. Уже во второй половине 2008 г. Египет ощутил последствия падения доходов от Суэцкого канала в

размере 35% из-за меньшей востребованности его услуг и снижения интенсивности судоходства.

По этой и другим сходным причинам в Египте в 2009 г. наметилось падение темпов роста ВВП до 4% по сравнению с 7% в 2008 г. Здесь государство в середине 2008 г. вознамерилось сократить субсидии на основные товары для населения на 15 млрд долл. В Сирии бюджетный дефицит в 2009 г. достиг больших величин и может приблизиться к 5,3 млрд долл.¹⁴ Такая динамика способна нанести большой ущерб социальным программам и в первую очередь может отразиться на практике субсидирования цен на основные продукты питания со всеми проистекающими отсюда политическими проблемами.

Если развернуть ситуацию в странах ненефтяного сегмента несколько шире, обнаружатся и другие неблагоприятные тенденции, которые ощутимо затрагивают их положение. В частности, это касается уменьшения потока переводов из-за границы, доходов от туризма, обострения проблем безработицы. Недостаточность поступающих по этим каналам средств параллельно с замедлением показателей занятости может усугубляться и другими негативными моментами, спровоцированными увеличением государственных расходов, частичным замораживанием активности производственного сектора на фоне падения спроса на инвестиционные товары и повседневную продукцию и появления застойных явлений в экономике.

В свете подобных фактов некоторые зарубежные авторы делают вполне определенные выводы относительно того, что арабские страны в завершающей фазе десятилетия испытают замедление экономического роста и будут жить в условиях напряженного платежного баланса и сокращения притока международной помощи. Во всяком случае, такая тенденция наметилась еще до кризиса. По данным ЮНКТАД, прямые иностранные инвестиции в Западную Азию составили в 2007 г. 12 млрд долл. против 50 млрд в 2006 г.¹⁵

Это обстоятельство дает мало оснований считать, что ситуация может быть исправлена в разгар кризиса и, по крайней мере, в ближайшем от него будущем,

если ухудшаться она начала еще в его преддверии. Хотя приведенные данные могут свидетельствовать об определенном росте напряженности на экономическом пространстве Арабского Востока, все же необходимо отметить, что по существу они являются оценочными и могут быть откорректированы временем. Не возникает сомнения, что нарушение ритма экономических процессов отзывается сбоем на функционировании воспроизводственных механизмов и рынка. Однако в случае с арабскими странами кажется, что краткосрочное негативное воздействие на их экономики не должно бы настолько ослабить возможности развития, что они войдут в застой, способный перерасти в длительную депрессию.

Некоторые зарубежные исследователи полагают уместным считать, что арабские продуценты нефти даже обретут определенные выгоды из ситуации. В частности, они будут осмотрительнее расходовать накопленные в предшествующий период средства и направлять их только на целесообразные проекты. У них возникнет больше стимулов инвестировать в частный сектор в целях развития ненефтяных отраслей и концентрировать усилия на инфраструктурном строительстве. А если им удастся реструктурировать экономику, нарастить вложения в нефтегазовый комплекс и задействовать альтернативные источники энергии, то они получат возможность еще более выгодно позиционироваться на глобальном экономическом пространстве, когда мировое хозяйство преодолеет кризис и двинется на подъем.

Если строго подходить к высказанным суждениям, то можно заметить, что далеко не все они сулят арабским странам выигрыш от ситуации, отмеченный в цитируемом материале. Это связано с тем, что страны ССАГПЗ и без того вели достаточно рационально сформулированную экономическую и социальную политику, увенчавшуюся созданием колоссальной инфраструктуры, явно нацеленной на разгрузку рынка труда, обеспечение достойного места в МРТ и достижение в будущем тесной интеграции. В связи с этим не столь много оснований считать, что подобный курс изменится в посткризисный период, и развитие будет протекать в русле, сильно отличающемся от предкризисного. Возможно, будет предпринята корректировка экономического тренда за счет хотя бы перераспределения финансовых потоков и переноса центра тяжести в инвестициях с суперинфраструктурных проектов на более скромные, но нужные для восстановления рыночного цикла и купирования рисков.

Кроме того, если рассматривать случай Кувейта как типичный для других стран региона Персидского залива, то можно утверждать, что они накануне кризиса существенно продвинулись по пути наращивания ненефтяного промышленного потенциала. Во всяком случае, в Кувейте доля подобных отраслей в ВВП (включая переработку нефти) превысила на

2007 г. поступления в него от сырой нефти и составила 61,1%¹⁶. После завершения кризиса странам Персидского залива, вероятно, будет легче, чем другим в арабском мире, вернуться в прежнее русло, особенно если кризис не будет затяжным.

Но в целом и для них этот процесс может оказаться более трудным, учитывая инерцию кризиса, сокращение валютных резервов, реальное понижение уровня потребления и другие последствия. Тем более что уже сейчас внутри этих стран делаются предложения «распечатать» валютные «запасники» и частично использовать их на поддержку кризисных секторов, хотя эти ресурсы считаются неприкосновенными. Они измеряются большими величинами и в ОАЭ, например, достигают 875 млрд долл., в Кувейте Фонд будущих поколений содержит 250 млрд, в Ливии — 50 млрд¹⁷. Однако в процессе кризиса капиталы тают, что требует экономного отношения к ним.

В странах, обделенных финансовыми и углеводородными ресурсами, ситуация может быть неоднозначной и зависеть от многих обстоятельств. Здесь своего рода ограничителем негативных явлений может служить то, что их финансовые институты не настолько оторвались от реальности, чтобы быть втянутыми в международные финансовые спекуляции огромного масштаба да и не имели возможностей для этого, и могли пострадать только косвенно. В то же время, у них нет мощных суверенных фондов, сформированных за счет доходов от нефти, которые могут в экстремальных случаях быть средством поддержки экономики.

В целом пока трудно судить, насколько разрушительной может стать ситуация и как именно она отразится на каждой из стран в отдельности. Нет и однозначного мнения о том, сможет ли спад набрать ускорение, критичное для прежних стратегий развития и вызовет ли потребность в их коренном пересмотре или ограничится их модификацией в свете открывшихся обстоятельств. Но если низкая результативность прежних методов хозяйственной деятельности и несостоятельность поддерживающей их экономической идеологии будут подтверждены дальнейшей практикой, возникнет реальная необходимость серьезной коррекции состояния арабского экономического пространства.

В свою очередь, если подобное состоится, больший упор должен будет делаться на производство, а равно и на изменение принципов функционирования банковско-финансового капитала, который предстал как самоподдерживающаяся сила, отделившаяся от фундаментальных основ рынка и перешедшая к воспроизводству финансовых ресурсов ради самой себя. В любом случае арабские страны будут стремиться снять напряжения и защитить свои хозяйственные системы от исключительного влияния финансового капитала, неконтролируемые операции которого нарушают работу воспроизводственных механизмов

и в итоге могут стать детонатором для подрыва экономических позиций стран региона.

Но при этом могут оказаться «задетыми» устойчивости национального предпринимательства, которые в определенной степени связываются с существованием крупных семейных компаний, составляющих костяк финансовой и экономической структуры, по крайней мере, в государствах Персидского залива. Такие компании и торговые дома обладают большими активами и имеют серьезные авуары как на Востоке, так и на Западе. Однако уже давно в них начали отмечаться нездоровые процессы. Пока они трактуются как результат обострения «проблемы отцов и детей», борьбы между тремя поколениями владельцев за руководящие посты, как это было открыто продемонстрировано в нашумевшем в регионе случае с двумя известными саудовскими группами Аль-Кусайби и Саад. Но вполне возможно, что это внешнее проявление более глубоких проблем, не случайно обострившихся в период кризиса.

В докризисный период крупные компании в регионе, и семейные в их числе, во множестве плодили дочерние ответвления и после начала финансовых неурядиц встали перед необходимостью реструктуризации дисперсированной части активов. Причем в масштабах, намного превосходящих напряженные события более чем десятилетней давности, которые были связаны с азиатским кризисом. Ныне же, по мнению арабских аналитиков, подобные компании могут оказаться перед перспективой превращения в акционерные общества. Они также могут стать объектом воздействия со стороны государства, что допускается в рамках проекта «хаукама» — корпоративного управления, предусматривающего через законодательное регулирование более активное стороннее участие в судьбе знаковых предприятий¹⁸.

А это уже совсем иное качество функционирования институтов, которые олицетворяют собою монолитность, незыблемость и надежность «заливного» вообще и саудовского в частности капитала. Изменение их сущности может означать утрату управления ими по клановым каналам, из одного центра и допущение в бизнес весьма влиятельного и, возможно, не во всем дружественного партнера. По существу, если столь радикальное изменение курса состоится, то такой шаг должен будет знаменовать покушение на традиции деловой жизни, а возможно, будет чреват нарушением организационных основ национального предпринимательства с последствиями для других направлений и сегментов хозяйственной деятельности. Конечно, семейные торгово-финансовые институты не занимают всего экономического пространства, но их утрата или перекалфикация могут существенно обеднить палитру арабского бизнеса и лишить его узнаваемых признаков.

Теоретически подобным путем могут возникнуть условия для ограничения вариантов развития, сводящие их к некоей унифицированной модели с незначительным национальным колоритом. При этом разрушение исконных систем производства и управления может быть довершено, и их место, может занять не «дериват», обеспечивающий своего рода преемственность форм и организации хозяйственной жизни, а нечто иное, ведущее к возникновению нового качества в развитии, но уже за счет более универсальных и рациональных способов производства и перераспределения продукта. Подобный поворот может быть представлен в сложившихся условиях как неизбежный этап в развитии национального предпринимательства, хотя прогресс не обязательно должен ассоциироваться с полным сломом зарекомендовавших себя структур. Обладая весом на рынке, они, вероятно, могут и самостоятельно определиться в событиях и избрать приемлемый путь эволюции, если процесс их распада не перешел критической отметки. Или будет достаточно создать условия, возвращающие им дееспособность, но под контролем механизмов «противодействия злоупотреблениям государственных или рыночных сил и той эрозии природного, социального и морального капитала, которую эти злоупотребления обычно обостряют»¹⁹.

Процессы развития на Арабском Востоке являются производными от многих факторов и в немалой степени связаны с традициями восточного общества. В своем современном виде они сформировались после получения независимости и частично прошли через опыт социалистических преобразований, а в других случаях имели капиталистическую природу. Но в любом случае, свою роль сыграли идея государственного участия в хозяйственной деятельности, политико-идеологические предпочтения правящих сил, психологические установки национального капитала.

Эти характерные для арабской действительности моменты до сего времени образуют своего рода нерушимую триаду, которая лежит в основе подходов к организации хозяйственной жизни. И именно в рамках созданных ею представлений вершатся действия, связанные с попытками расширить зону действия экономических принципов, соответствующих эпохе развитого капитализма и способных позитивно повлиять на арабскую практику. Речь не идет о таких понятиях как, например, монополизация, которая присутствует в западном мире, но, как отмечалось, составляет явление, осуждаемое в арабском обществе. Этому обществу, в массовом сознании которого еще не утрачены понятия патернализма, племенной солидарности, взаимопомощи, более соответствуют другие принципы, предполагающие установление справедливого экономического порядка и связанные с такими константами, как регулируемый

рынок, справедливое распределение, экологическое равновесие, моральный капитал.

Не следует понимать так, что эти представления не нарушаются вплоть до настоящего времени. Но факт, что в ряде стран они ныне начинают привлекать растущее внимание и становятся объектом гражданской активности, которая проявляется именно на этой почве. Пока в арабском мире эти принципы в их современном виде не устоялись, не получили фронтального распространения, и, очевидно, потребуются длительное время, чтобы вживить их в систему текущих ценностей арабского общества. Они в целом не чужды ему, но будучи механически наложенными на арабскую практику, не будут нести в себе того конструктивного начала, которое с разной степенью эффективности реализуется в государствах с высоким уровнем промышленного развития, далеко опередивших арабские страны по показателям гражданственности и демократии.

Однако в большинстве арабских стран еще не создана модель эффективного развития, каковая могла бы обеспечивать впечатляющий экономический рост и социальный прогресс вне обладания мощными запасами энергоресурсов. Более характерным моментом остается движение в режиме сдерживаемого политическими и историческими факторами развития, которому исторически, видимо, не суждено приблизиться в масштабе реального времени к индустриальным лидерам западного мира и реализоваться в новое качество. Тем более, что во многих арабских странах нет «ресурсоцентристских» условий, на чьей базе могла бы быть создана эффективная модель интенсивного прироста общественного богатства. Это создает им статус государств, неспособных добиваться убедительных успехов на экономическом поприще. У них остается только возможность варьировать теми экономическими укладами и системами хозяйственной деятельности, которые сложились в них на стадии постреволюционных реформ и продолжают и поныне сдерживать переход к интенсивному хозяйству.

В арабском мире эффективная модель развития, предлагающая приемлемую динамику и соответствующий уровень благосостояния, имеет строго очерченные географические границы и десятилетиями опирается исключительно на производство энергоресурсов и на финансовые ресурсы, имеющие своим источником те же углеводороды. Но и ее нельзя считать безотказной во всех случаях. Пока опыт показывает, что на Арабском Востоке в основном процветают малые страны Аравийского полуострова. Ирак, Ливия и Алжир, в силу известных причин, продолжают отставать от их показателей.

Но и благополучие «заливных» государств оказывается в ряде моментов не лишенным эле-

мента иллюзорности. И они не защищены от временных расстройств в системе циркуляции денежных ресурсов, которые имели место и до кризиса 2008 г., в связи с чем могли возникать проблемы с зарплатой в госсекторе, порой поднимается вопрос о введении налогов. То есть, хотя общий фон социальной обеспеченности остается относительно благоприятным, все же их действительность не полностью свободна от трудностей. Экономика в целом функционирует в поступательном режиме, но и отлаженный процесс может давать сбои, отражающиеся на социальной системе, особенно при заметных колебаниях конъюнктуры мирового рынка, не говоря уже о возникновении повальных явлений, имеющих признаки кризиса.

Как отмечалось, за истекшие десятилетия в государствах-нефтеэкспортерах опережающими темпами возводилась производственная и социальная инфраструктура, создавались фонды для компенсации ущерба от экономических и внеэкономических угроз, аккумулировались финансовые ресурсы на зарубежных счетах. При возникновении неурядиц разной этиологии они должны служить своего рода защитным барьером и средством обеспечения живучести экономики. Опираясь на такое видение способов создания устойчивости, странам Персидского залива удалось диверсифицировать свою хозяйственную деятельность за счет создания экономики, в которой сочетаются углеводороды, предоставление финансовых услуг и элитная рекреация. Опираясь на эту конструкцию, они имеют возможность лучше обезопасить себя от ситуаций, которые могли бы в противном случае поставить их в еще большую зависимость от рынка нефти.

Видимо, не случайно в начале 2008 г. советник генсека ООН Дж. Сакс, рассуждая о том, что следует сделать Ближнему Востоку в ближайшие десять лет, чтобы реализовать свой потенциал полностью, отмечал два основных момента: необходимость «инвестировать во впечатляющую инфраструктуру, что делают Дубай и некоторые другие страны Залива. И сосредоточиться на развитии образования, повышении уровня квалификации населения, науке и технологиях. Это мудрый способ использования инвестиций...»²⁰. Однако такой обобщенный рецепт скорее может быть адресован все тем же нефтеэкспортерам, являющимся примером, но во многом отвлеченным, для арабских стран с меньшим уровнем благосостояния. В свете этого, возможно, потребуются более изощренные средства удержания экономической и социальной ситуации под контролем в виде «глобальной кооперации, беспрецедентной по глубине и размаху, к которой мир не готов», а тем более арабский²¹.

В трактовку темы поступательного развития, таким образом, закладывается еще один, возможно, самый главный, посыл, который должен сообщить дополнительный элемент жесткости конструкции, что-

бы обеспечить успех всей стратегии дальнейшего подъема региона. Однако достижение устойчивости развития за счет наложения привычных решений на условия, которые только будут складываться, кажется слишком прямолинейным, не учитывающим возможные варианты. И это делает актуальным вопрос поиска более корректных инструментов, чем валовой подход с его инвестиционной накачкой. По сути, он уже давно не соответствует абсорбционным возможностям экономик малых арабских стран, привел к разрастанию вещественной части производительных сил, превышающих в ряде случаев потребности общества, будь то инфраструктура или капитальное строительство, и требует более изощренных и прицельных методов экономической политики.

Складывается впечатление, что укоренившиеся механизмы хозяйствования и управления в экономике и обществе в специфических условиях малых монархий утрачивают на конкретном этапе подвижность, а с нею и способность к восприятию вариантов развития в пределах ниши, занятой в системе международного разделения труда и принятого способа производства. Другими словами, просматривается некий предел в развитии, в результате чего может образоваться ситуация, при которой рост идет без развития, утратившего поступательность. Для преодоления же преград потребуются не только новое качество производительных сил, но и способность нейтрализовать ограничители в виде, например, сужения перспектив для экстенсивного освоения хозяйственного пространства или возможностей для наращивания масштабов производства. Для этого, видимо, и нужна «глобальная кооперация» как средство против застоя, способное повышать жизнеспособность экономических систем и предотвращать ситуации, чреватые возникновением кризисов.

В принципе, нынешнюю ситуацию можно рассматривать и с той точки зрения, что текущий этап является периодом накопления факторов дальнейшей эволюции аравийской социально-экономической модели, и в этом смысле на будущее уместно иметь ввиду ее переход к более высокой стадии интенсивного роста. Но пока мало оснований полагать, что в регионе глубоко задумываются над будущим экономического развития. Правда, нынешний кризис может дать импульс поиску решений, которые должны будут учитывать нынешнее положение вещей, но и помогут заглянуть даже в постнефтяную эпоху. Подобное переосмысление могло бы иметь положительный эффект, но достижение конструктивных результатов вызывает сомнения, учитывая, что кризис, возможно, не выявил всех болевых точек, а массовое сознание не воспринимает понесенные потери как невосполнимые. К тому же и сами поиски, если будут инициированы, не обязательно станут гарантированно успешными,

хотя бы в силу того, что действительность будет выстраиваться под воздействием факторов, большинство из которых могут оказаться непредсказуемыми и определяться самыми неожиданными их сочетаниями.

Другими словами, перспективы остаются не прописанными точно фактически для любого субъекта мировых экономических отношений, особенно для тех из них, что относятся к категории отстающих или «догоняющих». Видимо, на такой случай и рассчитана «беспрецедентная глобальная кооперация», которая призвана уравнивать возможности для всех субъектов. Однако этой цели должен предшествовать этап интеграции для тех, кто не воспользовался ее плодами и менее других готов к взаимодействию на широком фронте. Тем более что «глобальная кооперация» может быть эвфемизмом «глобализации», которая уже продемонстрировала необходимость интеграции как фактора, призванного обеспечивать более щадящий вариант взаимодействия. И в определенных обстоятельствах как возможности прибегать к коллективным мерам для предотвращения кризисов, создавая фактом своего существования потенциальные зоны экономической безопасности. Однако арабский мир, как известно, не добился на этом поприще существенных результатов.

Но это — одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что в эпоху развития глобализационных процессов облегчаются условия для распространения не только позитивных, но и негативных явлений, имеющих деструктивный характер. Современный финансовый кризис относится именно к такой категории факторов. И порожден он был отрывом финансов от реальной экономики и возникновением гигантских фиктивных ресурсов, произросших из глобальной спекуляции, обусловленной вполне легальной деятельностью рыночных механизмов. Другими словами, причины его лежат именно в законах функционирования капиталистического хозяйства и являются объективным следствием работы всей системы. В этом смысле арабо-мусульманская версия кризиса как следствия морально-нравственного разложения капитализма может, видимо, рассматриваться только как субъективная, второстепенная, отражающая лишь одну сторону проблемы. Но и в этом качестве она не лишена ценности, поскольку несет в себе весомое гуманистическое начало, противостоящее таким характерным явлениям экономики потребления, как алчность, ненасытность и жажда наживы.

Summary: The article deals with rather popular evaluation of the financial crisis problems in the Arab World treated by some arab analysts as coming from breaking ethic norms that provoked destructive impact on the economic situation resulted in cutting financial operations off from real production.

<i>Ключевые слова</i>	<i>Keywords</i>
арабский мир, экономика, кризис, этика	Arab, economy, crisis, ethic

Примечания

1. Ан-Наджар, Ахмад ас-Сейид, Насыб аль-араб мина-ль-азмати-ль-алямийя//»Аль-Арабий», № 614, январь 2010, с.133.
2. Там же, с. 133.
3. Аль-Анба 17. 1. 2010.
4. Ан-Наджар, с. 128.
5. Журавлев А.Ю., Теория и практика исламского банковского дела, М. 2002, с. 28.
6. Таха, Таха, М., Мифтах муваджхати-ль-азмати-ль-алямийя//»Аль-иктисадий аль-яум», №64, декабрь 2009, с. 76 М. с. 76
7. Аль-Анба 17. 1. 10
8. Таха, М. с. 76.
9. Ан-Нджар, с.130.
10. Там же, с. 132.
11. Эксперт № 32, 2009 с. 34.
12. Аль Кабас 16.8.09.
13. Аль Анба 26 7 09.
14. www.jewishpolicycenter.org/967/global-economic-crisis-arab-world
15. ibid.
16. Economic Developments & Prospects 2009, The World Bank, 3 October 2009. Summary of the Economic Report, с.1.
17. jewishpolicycenter.
18. Аль-Анба 26.7.09.
19. Д. Кортен, Когда корпорации правят миром, СПб 2002, с. 86.
20. Gulf financial insider, January .2008, vol. 5, issue 10, с.47.
21. ibid., с.46.